

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мещанский А. Ю. Блокадная тема в творчестве российских драматургов XXI века / А. Ю. Мещанский, Л. А. Савелова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 295—316. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-295-316.

Meshchansky, A. Y., Savelova, L. A. (2026). Siege Theme in Works of 21st-Century Russian Playwrights. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 295-316. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-295-316. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Блокадная тема в творчестве российских драматургов XXI века

Мещанский Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0001-5357-5543

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературы и русского языка
a.meshchanskiy@narfu.ru

Савелова Любовь Анатольевна

orcid.org/0000-0001-8407-5103

доктор филологических наук, доцент,
кафедра литературы и русского языка,
корреспондирующий автор
l.savelova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Siege Theme in Works of 21st-Century Russian Playwrights

Alexander Yu. Meshchansky

orcid.org/0000-0001-5357-5543

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and Russian Language
a.meshchanskiy@narfu.ru

Lyubov A. Savelova

orcid.org/0000-0001-8407-5103

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and Russian Language,
corresponding author
l.savelova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме реактуализации темы блокады Ленинграда в современном литературно-драматургическом дискурсе. Цель исследования — выявить специфику индивидуально-авторского осмысления блокадного опыта современными российскими драматургами. В качестве основного объекта и источника текстового материала рассматриваются написанные в XXI веке пьесы Е. Греминой «67/871» и Ю. Клавдиева «Развалины». Авторы статьи стремятся раскрыть интерпретационный потенциал блокадной тематики, заложенный в анализируемых текстах. Результатом мотивно-образного, контекстуально-семантического и интертекстуального анализа текста пьес является выход на концептуальный уровень содержательной структуры произведений. Показано, что современные драматурги жанрово обогащают дискурс о блокаде Ленинграда. Отмечается, что они по-разному работают со свидетельствами эпохи и находят новые способы трансляции ключевых концептуальных смыслов блокадного текста, связанных с поиском путей выживания, сохранением человеческого облика или его утратой в экстремальных условиях. Сделан вывод о том, что разные формы репрезентации темы блокады Ленинграда, используемые Е. Греминой и Ю. Клавдиевым, обнажают аксиологическую значимость трагических событий прошлого для понимания ценностных структур настоящего и будущего времени, задают вектор нравственно-этического восприятия современного общества, побуждают к дискуссии.

Ключевые слова:

блокада Ленинграда; реактуализация темы; блокадный текст; современная пьеса; документальная драма; семантика травмы; Е. Гремина; Ю. Клавдиев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of reactualizing the Siege of Leningrad within contemporary literary and dramatic discourse. The study aims to identify the specific ways in which modern Russian playwrights individually interpret the siege experience. The primary focus is on two 21st-century plays: *67/871* by E. Gremina and *Ruins* by Yu. Klavdiev, which serve as the central textual sources for analysis. The authors seek to uncover the interpretative potential embedded in the siege theme as manifested in these works. Through a combination of motif-image, contextual-semantic, and intertextual analyses, the research delves into the conceptual level of the plays' content structures. It is demonstrated that contemporary dramatists are genre-enriching the discourse surrounding the Siege of Leningrad. The analysis reveals that these playwrights engage with historical testimonies in distinct ways, developing innovative methods for transmitting the core conceptual meanings of siege narratives—particularly those related to survival strategies, the preservation or loss of humanity under extreme conditions, and the moral dilemmas posed by catastrophe. The study concludes that the diverse forms of representing the siege theme, as employed by E. Gremina and Yu. Klavdiev, expose the axiological significance of past tragedies for understanding present and future value systems. These representations also establish a vector for the ethical perception of contemporary society and stimulate critical discussion.

Key words:

Siege of Leningrad, reactualization of the theme, siege narrative, contemporary play, documentary drama, semantics of trauma, E. Gremina, Yu. Klavdiev.

УДК 821.161.1+82-21

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-295-316

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Блокадная тема в творчестве российских драматургов XXI века

© Мещанский А. Ю., Савелова Л. А., 2026

1. Введение = Introduction

Проблема литературно-художественной рецепции трагических событий прошлого, повлиявших на мировосприятие не только их участников, но и последующих поколений людей, сохраняет актуальность для научных исследований настоящего времени. Обращение к данной проблематике обостряет дискуссию о природе человека и границах его возможностей. Блокада Ленинграда стала таким событием, которое потребовало глубокого, разностороннего осмысления и породило обширное нарративно-дискурсивное поле, до сих пор осваиваемое и в этико-эстетическом, и в исследовательском ключе. Высокий интерес ученых к разным проявлениям и последствиям блокадного опыта обеспечивает большую степень научной проработки вопроса, в частности, в трудах В. К. Дмитриева, И. А. Паперно, В. Л. Пянкевича, Г. Л. Соболева, С. В. Ярова [Дмитриев, 2020; Паперно, 2023; Пянкевич, 2014; Соболев, 2013—2017; Яров, 2018; Яров, 2021] и др. Однако малоизученной с этой точки зрения остается современная драматургия. Тем не менее в отдельных статьях и разделах монографий внимание исследователей сосредоточивается на специфике прочтения и репрезентации блокадной темы именно в пьесах авторов нашего времени. Здесь следует назвать публикации В. Г. Левицкого, И. В. Мотеюнайте, П. А. Руднева, М. И. Сизовой [Левицкий, 2019; Мотеюнайте, 2020; Руднев, 2018, с. 366—369; Сизова, 2015]. Добавим, что в одном из своих более ранних исследований мы рассматривали пьесу Н. Воробьевой и К. Журенкова «Людоед», действие которой также относится к событиям блокадного времени [Мещанский и др., 2022, с. 293—296]. Анализ данной пьесы был нацелен на установление ее интертекстуальных связей и раскрытие дискурсообразующего потенциала темы Великой Отечественной войны для драматургии XXI века.

Результаты научных исследований убеждают, что, участвуя в структурировании других сверткестов (в частности, военного, петербургского), тема блокады Ленинграда в то же время формирует свое, относительно

самостоятельное, узнаваемое смысловое пространство (блокадный текст). В этот процесс наряду с источниками разных типов вовлечены и драматургические произведения, что мы стремимся проследить в данной статье.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Наше исследование выполнено на материале малоизученных пьес о блокаде Ленинграда, созданных в XXI веке. Основным объектом анализа выступают тексты двух драматургических произведений: документальной пьесы Е. Греминой «67/871», написанной в 2017 году, и пьесы Ю. Клавдиева «Развалины», написанной в 2010 году. Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть способы реактуализации блокадной темы современными драматургами, дав представление о специфике авторских стратегий в создании образов ленинградцев-блокадников.

Концептуальное содержание произведений выявляется в процессе интерпретации их текста с применением методов мотивно-образного, контекстуально-семантического, композиционного, интертекстуального и сравнительного анализа.

В настоящее время предлагаются различные подходы к изучению блокадной проблематики, отраженной в художественной литературе и документалистике. В зависимости от направленности исследования в фокусе внимания филологов оказываются тематический спектр и языковой код дневниковых записей и произведений, созданных теми, кто жил в блокадном Ленинграде; образные ряды и концепты, формирующие картину обреченного на страдания города; проблема осмысления травматического опыта в разновременной перспективе; детерминированность блокадной трагедии предвоенными испытаниями значительной части населения страны; природа и формы воплощения индивидуальной и всеобщей памяти и т. д. [Адельгейм, 2021; Ефремов и др., 2023; Михайлова, 2019; Павловская, 2023; Пазио-Влазловская, 2015; Паперно, 2023; Прозорова, 2021; Прозорова, 2024 и др.].

Эти ракурсы прочтения текстов о блокаде тесно переплетены между собой и могут найти методологическое применение в процессе исследования драматургических текстов XXI века. Предлагаемые современными исследователями подходы выводят на понимание ключевых смыслов, с одной стороны, обеспечивающих единство блокадного дискурса, с другой — составляющих основу его полиинтерпретативности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дискурсообразующий потенциал темы блокады Ленинграда

Осмысление блокады Ленинграда и ее последствий, начавшееся уже во время осады города и продолжающееся до сих пор, привело к возник-

новению множества текстов разного типа. В совокупности они образуют сложное и открытое смысловое пространство, которое имеет сверткестовую и дискурсивную природу. В проекции на современную драматургию структуру этого пространства условно можно представить в виде смысловой воронки (от общего к частному): блокадный текст русской истории и культуры — блокадный текст русской литературы — блокадный текст русской драматургии — блокадный текст современной русской драматургии.

В XX веке было написано множество художественных и документальных произведений, посвященных этой героической и одновременно глубоко трагической странице отечественной истории. Это «Ленинградский дневник», «Дневные звезды» О. Берггольц, «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича, «Блокада» А. Чаковского, «В осажденном городе» Л. Пантелеева, «Сестра печали» В. Шефнера, «Должна остаться живой» Л. Никольской, «В блокадном Ленинграде» Д. Лихачева, «Записки блокадного человека» Л. Гинзбург, «Воспоминания о блокаде» В. Глинки, «Балтийское небо», «Девочка-жизнь» Н. Чуковского, «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, «Седьмая симфония» Т. Цинберг, «Почти три года» В. Инбер, «Там, за чертой блокады», «Дети блокады» М. Сухачева, «Дорога жизни» Н. Ходза, «Сквозь всю блокаду» П. Лукницкого, «Блокада в моей судьбе» Б. Тарасова, «В плену блокадного детства» Т. Тетерской, «Блокада снится мне ночами» В. Новикова и др.

Публикация текстов блокадной тематики способствовала закреплению образа гуманитарной катастрофы в коллективной памяти. Как говорил философ М. Мамардашвили, «если воевавшая нация не извлекает опыта из войны, война будет повторяться снова и снова» [Леонтьев, 2011, с. 8]. Таким образом, литература вобрала в себя то, что тысячи безымянных свидетелей унесли за черту бытия: трагический личный опыт, ставший опытом целых поколений и всего народа.

Установка на проработку травматического опыта, заданная уже первыми произведениями, находит воплощение и в драматургической форме. Однако круг получивших известность пьес, в которых так или иначе затрагивается тема блокады Ленинграда, невелик. Это «Одна ночь» Е. Шварца (1942), «Раскинулось море широко» В. Вишневского (1942), «Они жили в Ленинграде» О. Берггольц и Г. Макогоненко (1943), «Пять вечеров» А. Володина (1958), «Мой бедный Марат» А. Арбузова (1965) и др. Историко-идеологический контекст создания этих произведений предопределяет соответствие представленной в них системы нравственных координат ценностям советского общества. Инвариантным модусом их содержания становится стоицизм, героизм и самопожертвование ленинградцев, а не тот беспрецедентный ужас, с которым им пришлось столкнуться. Сфоку-

сированность на преодолении любых страданий ради победы как бы оттесняет на второй план факт другой войны — внутренней, когда не видевшие в лицо врага люди обреченно вели борьбу за собственную личность, разрушаемую голодом, холодом, близостью смерти.

В новых ракурсах, в том числе в разрезе растабуированности, тема блокады осмысливается в драматургическом творчестве авторов XXI века, в частности в пьесах В. Леванова «Святая блаженная Ксения Петербургская в житии» (2007), Ю. Клавдиева «Развалины» (2010), П. Барсковой «Живые картины» (2015), Н. Воробьевой и К. Журенкова «Людоед» (2016), Е. Греминой «67/871» (2017). Интерес к блокадной тематике у современных драматургов не случаен. Это обусловлено тем, что, во-первых, блокадный опыт «оказался непреодолимым — и по силе травматического воздействия на человека, и по влиянию на метод интерпретации» [Паперно, 2023, с. 12]. С другой стороны, блокадная травма оставила глубокий след в коллективной памяти народа и в русской культуре в целом. В определенном смысле, она стала зеркалом, в котором отражается наше время, раскрывается социально-философская парадигма сегодняшнего дня.

Блокада по-прежнему ставит много вопросов. И, пожалуй, главный из них — что значит остаться человеком в ситуации длительной экзистенциальной катастрофы? Могут ли нравственные нормы быть незыблемыми, когда нет контроля над собой, нет критического мнения со стороны и размывается само представление о морали. Как экстремальные испытания меняют человека, его жизненные приоритеты и взгляды? Актуализация блокадной темы в современном литературном процессе связана со стремлением разобраться в прошлом, чтобы лучше понять настоящее и, возможно, предугадать будущее.

Единство блокадного дискурса при всем его тематическом и жанровом разнообразии обеспечивается устойчивыми смыслами, образами, символами, к числу которых относятся голод, холод, смерть, артобстрелы, руины, дневник Тани Савичевой, седьмая симфония Шостаковича, стихи Берггольц, Пискаревское кладбище. Смысловым инвариантом при этом выступает травма (личная, всеобщая, межпоколенческая, антропологическая, культурная): «Город пришлось заселять заново, многие традиции культуры, быта и поведения ленинградцев оказались утраченными. Но у всех осталась боль блокады, испытанная и самими горожанами, и переданная другим рассказами родных и бесконечной чередой могил» [Яров, 2018, с. 289]. Произведения современных драматургов высвечивают новые грани этого смысла, настраивают на общность переживаний и расширяют возможности рефлексивной проработки темы блокады Ленинграда.

3.2. Экзистенциально-онтологическая проблематика документальной пьесы Е. Греминой «67/871»

Новый формат освоения блокадного опыта являет собой документальная пьеса Е. Греминой «67/871», ставшая последней в жизни драматурга. Художественный метод, положенный в основу произведения, оттачивался в недрах проекта «Театр.doc», созданного ею совместно с М. Угаровым в 2002 году. По мнению М. Липовецкого, этот творческий проект породил революцию в российском театре: «Они открыли дорогу документальной драме — вербатиму, основанному на живых интервью с реальными людьми» [Липовецкий, 2019, с. 5]. Материалы для пьесы «67/871» собирались актерами театра и волонтерами в ходе бесед с пережившими блокаду петербуржцами с соблюдением определенных требований, в число которых входили «фиксирование портрета интервьюируемого, его эмоциональных проявлений (вздыхает, плачет, смеется и т. п.), сохранение всех неточностей и огрехов устной речи, особенностей лексики» [Левицкий, 2019, с. 500]. Личные, практически не отредактированные свидетельства составляют текстовую основу пьесы и позволяют драматургу осуществить переход от так называемой исторической правды к субъективному переживанию, побуждающему к персонализации опыта читателя / зрителя. В центре внимания пьесы, таким образом, оказывается вопрос о человеке и его экзистенции.

По прошествии времени блокадные события могут вытесняться из коллективной памяти, не готовой интегрировать все их мрачные стороны. В частности, Д. Гранин вспоминал, как они с А. Адамовичем в процессе работы над «Блокадной книгой» столкнулись с тем, что впоследствии назвали эрозией памяти, — когда рассказчики «вспоминают не подлинное прошлое, а то, каким оно стало в настоящем» [Гранин, 2015, с. 17] под влиянием кадров кинохроники, фильмов, книг, телевидения. В результате казенная история начинает вытеснять личную память. Пьеса «67/871» стремится преодолеть эту эрозию с помощью целостного взгляда на множество трагических событий из перекрестья прошлого и настоящего, когда читатель / зритель становится непосредственным свидетелем нечеловеческих страданий.

Роль автора, казалось бы, ограничивается компоновкой собранного материала: отрывков из воспоминаний очевидцев, писем, дневниковых записей и архивных документов. Но их последовательность воспринимается как цельный текст, композиционно выстроенный, кульминационно напряженный и оказывающий сильное ментальное и психоэмоциональное воздействие на адресата. Установка на фактологическую реальность становится для Греминой способом не только осмысления катастрофического опыта, но и его преодоления, авторской реакцией на остросоциальную тему.

Название пьесы состоит из чисел, что сообщает ему строгость, лаконичность и стремление к объективности оценок. Его художественно-концептуальная нагрузка проявляется прежде всего в соотносённости с архитектуроникой и хронотопом произведения, состоящего из 67 эпизодов, связанных с 871-м днем блокады Ленинграда.

Все эпизоды пронумерованы и в большинстве случаев озаглавлены. Структурно-семантическая особенность этих заголовков заключается в том, что в них часто используется гастрономическая лексика: *хлеб, консервы, крупа, пшено, сало, сухари, бульон, лепешки из подорожника, студень, лебеда, дуранда* и др. Голод — лейтмотив пьесы, обнажающий предел возможностей человеческого существования. Человек может привыкнуть ко многому: к бедности, униженности, одиночеству, разобщенности, несправедливости, утрате свободы. К голоду привыкнуть невозможно. Многовековой человеческий опыт оказывается бессилён перед лицом голода. Классическая для русской литературы тема униженного и оскорбленного героя, у которого нет никакой возможности изменить что-либо в мире, получает в пьесе эсхатологическое звучание. Самая короткая история в пьесе словно резюмирует весь использованный автором материал: «Было очень страшно, все время хотелось есть, все время все умирали и очень много плакали (Больше никогда и ничего она про блокаду не рассказывала)» [Гремина, 2019, с. 686]. Если традиционный для классики виктимный герой оказывается заложником своей инфантильности, неспособности к поступку (вспомним «маленького человека»), то в пьесе «67/871» люди зачастую просто лишены возможности выбора как такового. Осмысляемая драматургом ситуация коррелирует с воспоминаниями ученого-филолога О. Фрейденберг (двоюродной сестры Б. Пастернака), блокадные дневники которой не были опубликованы, но в настоящее время вводятся в научный оборот благодаря работам И. Паперно: «Не было ни у кого ни в чем ни выбора, ни возможности свободы, ни избежания. Тиски жизни никого не привлекали больше тисков смерти» [Фрейденберг, 1987, с. 15].

Динамику повествования определяют множественные кульминационные точки, которые передают сильный эмоциональный накал, глубину душевных переживаний героев. Психологическое состояние очевидцев раскрывается посредством рефлексии, пауз, повторов, которые создают эмоциональный фон произведения. В их монологах часто звучат воспоминания о «самых страшных» эпизодах блокадной жизни, которые неосознанно запечатлелись в глубинной памяти. И это необязательно голод. Для одних это непроглядная темнота («самое ужасное в блокаде была темнота» [Гремина, 2019, с. 673]), для других холод («больше всего я помню холод» [Гремина, 2019, с. 663]), трети с ужасом вспоминают период уборки трупов («вот

этот период, который я Вам назвала, был *самый тяжелый*» [Гремина, 2019, с. 683]), а для кого-то невыносимыми стали муки совести из-за украденного у сестры кусочка хлеба («*самое страшное*, потом, когда мы уже выросли <...> и я ей рассказала, как я хлеб украла» [Гремина, 2019, с. 667]).

Персонажи пьесы (респонденты, пережившие блокаду) сохраняют и транслируют память о событиях, которые навсегда изменили их жизни, связали с коллективной травмой. В пьесе поднимается вопрос о границах человечности, о моральных компромиссах, на которые люди были вынуждены пойти ради выживания. Рассказ о матери, понявшей, что «двоих детей не выкормить» [Гремина, 2019, с. 670], и вынужденной сделать страшный выбор в пользу одного ребенка, открывает правду о том, что «привычные ценности во время катастрофы неминуемо рушатся, в человеке обнажаются такие глубины и закоулки, о которых он и сам не догадывался» [Яров, 2018, с. 7]. Драматург не избегает натуралистических подробностей, не укладывающихся в границы привычных социальных норм. Рассказы о каннибализме [Гремина, 2019, с. 662, 667, 670], поедании вшей [Гремина, 2019, с. 667], выносе женщиной с предприятия еды в «стыдно сказать каком месте...» [Гремина, 2019, с. 663] призваны не столько шокировать читателя, сколько вызвать в нем ответную рефлексию, пробудить эмпатию, настроить на переосмысление устоявшихся представлений о моральных границах, размывающихся в экстремальных для человека условиях. Особый трагизм в этом контексте приобретают известные слова Шекспира: «Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать» [Шекспир, 1960, с. 113]. Таким образом, пьеса ставит вопросы о природе резилентности и моральной устойчивости человека, которые не концентрируются исключительно на событиях блокады, а выводят на уровень универсальных проблем бытия и получают онтологическое звучание.

Ключевым в смысловом пространстве пьесы является концепт СПАСЕНИЕ, оппозиционно связанный с концептами ГОЛОД, ХОЛОД, СТРАХ, СТРАДАНИЕ. Концептуальный смысл 'спасение' объективируется лексическим и интонационным строем фраз, позволяющим передать сильный эмоциональный накал и внутреннее напряжение героев: «А мать стала Богу молиться. И примерно так сказала: “Если ты есть, то, мол, это... *спасешь* нас”» [Гремина, 2019, с. 661], «Печное было отопление. Это нас *спасло*» [Гремина, 2019, с. 663], «“Знаешь, сынок! Вот этот кот — Рыжик твой — *спас* тебе жизнь”. И тогда (пауза) Гешка все понял — что он съел своего кота» [Гремина, 2019, с. 668], «...он еще бегал у нас хоронил, за кусок хлеба... Покойников. Вот. Володька очень *спасал*», «Теперь, значит, что нас *спасло*. То *спасло* — лето нас *спасло*» [Гремина, 2019, с. 664], «...я *спаслась* тем, что я спала» [Гремина, 2019, с. 676], «И, в общем, короче

говоря, когда он приехал, вот это нас и *спасло*, потому что у нас не было ни крошки хлеба» [Гремина, 2019, с. 690].

Знаками психологической травмы, оставившей след во внутреннем мире героев, становятся умолчания, незаконченные высказывания, обрывки фраз, имплицитно указывающие на те подробности, о которых не в силах говорить прямым текстом свидетели блокады. Так, четвертая история «Бульон из...» начинается с многоточия, передающего эмоциональное напряжение рассказчика, болезненность его воспоминаний о выживании в нечеловеческих условиях. Он словно пытается обойти мучительное для него слово, открывающее, из чего был приготовлен бульон: «Но он её *спас*, этот бульон. Почему они решили... какой-то не такой вкус, вроде... Ну... она выжила, короче говоря. Не удалось ей умереть» [Гремина, 2019, с. 662].

В рассматриваемой пьесе представления о спасении не ограничиваются одним только физическим выживанием блокадников. Этот концепт расширяется до метафизического измерения, где спасение становится актом человечности, духовного возрождения и обретения цельности, что соотносится с христианской идеей спасения души. В пьесе «67/871» раскрыта, пожалуй, основная тема драматургического творчества Е. Греминой о преодолении человеком зла своей волею, духом, мыслью. Идея нравственной победы эксплицируется особым текстовым микрополем, которое формируется конструкциями со значением ‘никогда не забуду’. История одиннадцатилетней блокадницы, потерявшей по пути в магазин продуктовые карточки, превращается в триумф человеческого духа: «Я как давай плакать, потому что это все. А тетки в очереди говорят, не плачь, давайте девочке соберем. И дали мне кто муки немножко, кто сахару, кто еще чего, что давали, уж и не помню... Но *никогда этих теток не забуду*» [Гремина, 2019, с. 686]. Рассказ о том, как девушка-телеграфистка спасла шестилетнюю девочку, оставшуюся без матери, завершается фразой уже пожилой женщины: «Вот это я *очень хорошо помню*» [Гремина, 2019, с. 675]. Другая блокадница на всю жизнь запечатлела в памяти христианское обращение *братья и сестры*: «Вот это обращение — оно у меня в маленькой голове, оно *осталось*» [Гремина, 2019, с. 681]. Рассказ о прибытии на спасительный берег Ладожского озера, на котором эвакуированных детей сразу же накормили рисовой кашей, резюмируется гиперболой: «Я до сих пор вспоминаю это царское блюдо, ничего более вкусного в своей жизни я не ел» [Гремина, 2019, с. 683]. Этот сквозной для пьесы мотив интерпретируется и как сохранение памяти, и как выражение благодарности, и как знак неразрывной связи прошлого с настоящим и будущим.

Примечательно, что в монологах очевидцев наиболее тяжелые эпизоды выживания передаются буднично, без пафоса и героической патетики.

Большинство рассказанных в пьесе историй лишены завязки и развязки и представляют собой обрывки воспоминаний. Эта драматургическая стратегия позволяет погрузить читателя в круговорот реальных событий, донести до него их связь и пробудить глубокое эмоциональное сопереживание. Организуя разрозненные фрагменты воспоминаний в единое текстовое пространство, автор делает акцент на вечном цикле противостояния жизни и смерти, сострадания и цинизма, надежды и отчаяния и приближает читателя к мысли, которую выразил психолог В. Франкл, прошедший через ад нацистских лагерей: «В конечном счете выясняется: то, что происходит внутри человека <...> — результат внутреннего решения самого человека» [Франкл, 2023, с. 129].

Голоса блокадников перемежаются с голосами оккупантов, определяя контрастную структуру пьесы. Это воспоминания, письма солдат вермахта, воевавших на ленинградском направлении, высказывания лидеров Третьего рейха, протокольные записи о будущей судьбе покоренной России. На их фоне трагизм ситуации ощущается еще острее. Бездна блокадного ада сказала не только на его жертвах, но и на тех, кто держал кольцо осады. Причины большинства конфликтов в человеческом обществе, как правило, связаны с тем, что одни ставят свои убеждения и принципы выше других. Изменение границ личности ведет к сдвигам в мировосприятии, а ограничивающая его индоктринация приводит к самой страшной блокаде — блокаде человеческой души. Так, в рассказе немецкого солдата о праздновании Рождества подробное описание гастрономических подарков, которые «превзошли все ожидания» [Гремина, 2019, с. 670], совмещается с осознанием торжественности момента, запечатлевшим *рождественскую тишину, рождественский мирный покой, рождественскую радость, рождественские звуки, рождественские песни* [Гремина, 2019, с. 671]. Нарочитый повтор в узком контексте атрибутива *рождественский*, связанного с одним из главных христианских праздников, актуализирует на уровне подтекста вопрос о глубинной природе человека, способного с верой в святые идеалы обрекать на страдание и смерть миллионы людей. Автор побуждает читателя задуматься: какова связь между учением Христа и тем, что из него делали люди на протяжении истории (крестовые походы, инквизиция, лозунг «Got mit uns» на бляшках ремней солдат вермахта).

Знаменательно, что пьеса завершается письмом офицера люфтваффе родным в Германию. Описание бомбежек густонаселенного города, сопровождаемое самооправданием — «мы бомбим только военно-стратегические цели» [Гремина, 2019, с. 691], — сочетается с эстетически искаженным восприятием «красоты» этих налетов: «Какое это жутко прекрасное зрелище, когда пересекаешь ночью линию фронта. Фронт горит от линии

на сотни километров, целые города и села. Небо пылающе-красное»; «... это так увлекательно, когда тебе навстречу летят разноцветные штучки» [Гремина, 2019, с. 691, 692]. Вывернутое сознание немецкого летчика — наглядный пример того, что жертвой диктаторской идеологии становятся не только те, кто подвергается насилию, но и те, от кого оно исходит. В сознании немецкого аса самопонимание подменяется самовыражением, за которым нет подлинной самости, а есть навязанные извне чужеродные представления о жизни и ее ценностях.

Картина дискретного, раздробленного мира, в котором одни определяют место другим, напоминает в контексте пьесы о другом голоде, концепцию которого сформулировал испанский философ Мигель де Унамуно, — голод по Богу. Библейская фраза *не хлебом единым жив человек* получает сакральное звучание, возвращающее к началу пьесы: «И вот она рассказала историю, как она поверила в Бога» [Гремина, 2019, с. 661]. Две столкнувшиеся тоталитарные системы, не признававшие божественную природу человека, обесценили принцип уникальности и незаменимости каждой личности. Патологическая идея превращения людей в государственный ресурс и расходный материал выражена в пьесе посредством цитирования выдержек из протоколов решений нацистского правительства, сухо определяющих, что «без сомнения, умрут с голода несколько миллионов человек» [Гремина, 2019, с. 687].

Пьеса Греминой может рассматриваться как поиск выхода из экзистенциального кризиса и как наглядный пример того, что условием жизнеспособности идей и вмняемости сознания является сменяемость — взглядов, принципов, убеждений. Раз и навсегда застывшие идеологемы превращаются в мифологемы, заставляя людей принимать иллюзию за реальность и наоборот. Драматург считала, что подлинный патриотизм прежде всего связан с тем, что «заставляет думать, задавать себе вопросы, будить в себе сферу идеального, <...> с желанием что-то изменить в себе и вокруг» [Левицкий, 2019, с. 507]. Преодолевающая себя и трагические обстоятельства личность представлена у Греминой как способная к переосмыслению ценностей и внутренней метаноисе. Таким образом, документальная пьеса «67/871» становится сложной формой манифестации импликационных связей эпох и поколений, целостного восприятия прошлого, настоящего и будущего в семантическом пространстве памяти, в котором скрывается правда о нас самих.

3.3. Аксиологический характер конфликта в пьесе Ю. Клавдиева «Развалины»

Иной ракурс художественной рецепции блокадной повседневности представлен в пьесе современного петербургского драматурга Ю. Клав-

диева «Развалины». Блокада здесь выступает как индикатор моральных и культурных ценностей общества, отражая неоднородность аксиологии различных социальных групп. Пьеса ставит вопросы о возможности / невозможности их примирения. При этом в блокадном нарративе пьесы особую тональность приобретает традиционная для отечественной литературы тема семьи. Показывая разные модели семейных отношений, драматург использует потенциал структуры сюжета и связывает судьбы людей с историей болезни российского общества, разлагаемого советской административно-лагерной системой, пренебрегавшей человеком.

Две живущие по соседству семьи — Ниверины и Развалины — оказываются жертвами не только блокадного голодомора, но и своеобразной аксиологической войны, вновь обостряющей полемику вокруг проблемы интеллигенции и народа. Сводя в одном узком пространстве две семьи, Клавдиев, по сути, сталкивает две разные России, разные типы культуры или, говоря словами историка В. О. Ключевского, «два враждебных склада и направления жизни нашей» [Ключевский, 1983, с. 363]. «Развалины» — драма-дискуссия [Сизова, 2015, с. 72], обнажающая конфликт не просто разных взглядов и жизненных путей, но и разных модусов мировосприятия, высвечивающих глубокий культурный и социальный разлом между интеллигенцией и народом, который автор исследует на примере своих героев.

Коренной ленинградец, профессор Ираклий Ниверин представляет образованную, интеллигентскую Россию, стремящуюся сохранить свою человечность и культурные ценности даже в эпицентре невообразимых испытаний. У его соседки, многодетной крестьянки Марии Развалиной выработан прагматичный и, может показаться, в чем-то циничный подход к решению бытовых проблем, основанный на опыте выживания, заставившем ее пересмотреть моральные принципы. Герои-ровесники, сближаемые вначале общей бедой, оказываются в итоге по разные стороны баррикад, в изоляции своих идиокультур. При этом драматург принципиально не дает «каких бы то ни было моральных оценок» [Липовецкий, 2012, с. 255] и словно провоцирует читателя на то, чтобы вжиться в образ каждого из персонажей.

Рафинированный интеллигент Ниверин, воспитанный на классической литературе, совершенно не приспособлен к бытовым хлопотам. Из-за рассеянности он теряет столь необходимые продукты, деньги, теплые вещи, не может заменить дверной замок, починить игрушку дочери, навести порядок в квартире, постирать белье, раздобыть дрова, отопить комнату. Идеализированное восприятие действительности персонажем коррелирует с его инфантильностью и непрактичностью.

Имя профессора имеет древнегреческое происхождение и ассоциативно связано с Гераклом, мифологическим героем, совершившим двенадцать

подвигам. В контексте пьесы греческое имя Ираклий получает ироническую тональность (вспомним для сравнения Фемистоклоса и Алкида из «Мертвых душ» Гоголя, Фирса из «Вишневого сада» Чехова, Васисуалия Лоханкина из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова). При этом персонаж осознает свое духовно-нравственное превосходство над окружающими. Подобно горьковскому Сатину он произносит гимны о великом призвании человека: «Человеком надо быть, веровать в светлое <...> Нигде нет жизни в нашей Вселенной, на миллиарды километров простирается, Анечка, один только хаос и ледяная смерть! И только мы, на крошечной голубой планетке, живы и РАЗУМНЫ, Анечка, разумны, и это бесконечно нас обязывает быть венцом творения»; «Выжить можно по-разному. Можно — любой ценой, а можно — не преступив законов человеческой души»; «разум человеку на то и дан, чтобы изыскивать средства и способы в окружающем бессердечном хаосе» [Клавдиев, 2010, с. 25, 26, 38].

Доброжелательное и благодарное отношение к беженке Марии Развалиной, проявляющей заботу о нем и его дочери, вскоре сменяется брезгливостью и отвращением. Профессора возмущает неожиданно открывшаяся правда о том, что соседка и ее дети питаются человечьиной. Ниверин не в состоянии ни понять, ни оправдать выбор людей, которые, как он полагает, «не выбрались из Средневековья» [Клавдиев, 2010, с. 25]. Клавдиев сталкивает интеллигентский опыт жизни профессора с фактами биографии Развалиной, которым в пьесе уделяется значительное место. Сюжетная линия блокадного голода осложняется ретроспективным рассказом о крестьянском голоде, пережитом ею в годы коллективизации. Судьба Марии переплетена с трагедией русской деревни, обескровленной в ходе раскулачивания и репрессий. Память героини воскрешает страшные события, связанные с геноцидом крестьян и жестокостью большевиков, отбиравших нажитое трудом имущество «в вечной борьбе за светлое будущее своих мертвецов» [Клавдиев, 2010, с. 17]. В ее монологах открываются гнетущие сцены массовых арестов («у нас семь хуторов свезли» [Клавдиев, 2010, с. 15]), голода тридцатых годов, повлекшего вымирание множества деревень («Померли они все. Матки лежат с детьми <...> Кочуровки нет больше» [Клавдиев, 2010, с. 21], каннибализма, ставшего обыденностью («Мы ж о тогда в деревне всех собак первыми поели, если что, а потом старики сами стали говорить — вы нас не хороните, а — в суп, так хоть вы спасётесь» [Клавдиев, 2010, с. 23—24]). Государственную политику того времени Мария откровенно называет грабежом и чувствует ее пагубные последствия (разобщение крестьянства, разложение семьи): «У нас “человек человеку — волк”, это не поговорка, а жизненный факт настоящий» [Клавдиев, 2010, с. 19]. Приобретенный опыт выживания убедил Развалину в том, что человек может полагаться только

на самого себя, поскольку для государства он не представляет никакой ценности. Говорящая фамилия главной героини пьесы — иносказательная отсылка не только к ее жизни, но и к судьбам миллионов крестьян, ставших жертвой безответственных политических решений.

В понимании профессора Ниверина, убежденного, что необходимо оставаться человеком независимо от обстоятельств, поступки соседки не имеют оправданий. Однако его позиция не находит поддержки у дочери, которая подружилась с детьми Марии и не желает прекращать с ними общение, вопреки настоянию отца. Рано повзрослевшая Аня не осуждает соседей, осознавая близость собственной смерти: «Меня всё равно убьют на обстреле или ночью бомба упадет! И так каждый день знаешь, как страшно, а с ними не так страшно, они... они знают, что делать, чтобы не умереть, а ты не знаешь» [Клавдиев, 2010, с. 25—26]. Впервые в жизни Ниверин переживает тяжелый мировоззренческий кризис, открывающий, по словам П. Руднева, новый «слой правды»: «Мародерство и каннибализм внеморальны. Это один слой правды. Слой правды, который предлагает Юрий Клавдиев: моральна ли вообще война или сама жизнь, ее условия, гуманитарная катастрофа, на которые обрекает народ его правительство» [Руднев, 2018, с. 369].

В скрытом конфликте с профессором Нивериным Развалина не признает своей нравственной ущербности, поскольку чувствует ответственность за детей. Для нее первоочередной задачей становится выживание детей, а не осознание того, как они с *этим* будут жить потом. Став жертвой абсурдных государственных экспериментов на селе, Мария усвоила, что цель оправдывает средства, а борьба за существование — любые способы сохранения жизни. Как и В. Шаламов, Клавдиев затрагивает проблему «отрицательного опыта» [Шаламов, 2010, с. 22], ведущего к распаду личности. Блокадная жизнь, как и лагерная, разрушает привычные представления о человеческой этике, когда к гулаговской заповеди «не верь, не бойся, не проси» добавляются новые негации: «не удивляться, не сердиться, не обещать, не спрашивать себя...» [Яров, 2012, с. 71]. Ценностное поле трансформируется за счет отрицания привычных эмоциональных и ментальных реакций. Так, искренне верующая в Бога Мария Развалина обнаруживает, как она полагает, «главную неточность в Писании» [Клавдиев, 2010, с. 17], заключенную в слова Христа — «просите, и дано будет вам» [Мф. 7: 7]. В ее истолковании, любое прошение становится грехом. Убеждение Марии, основанное на жизненном опыте, созвучно наставлению булгаковского Воланда Маргарите (никогда и ничего не просить), переворачивающему смысл евангельской аксиомы.

Тема социально-нравственного водораздела, проходящего между двумя семьями, находит свое отражение как на поведенческом, так и на вер-

бальном уровне. Речевые маркеры служат ярким индикатором культурных и социальных различий, а также отражением внутреннего мира персонажей. Привыкшие к обсценной, грубо-просторечной лексике Развалины искренне недоумевают по поводу замечания дочери профессора: «Что вы как звери разговариваете, надо правильно!» [Клавдиев, 2010, с. 12]. Беседы Ниверина о культуре речи, грамматических и педагогических нормах, о непроявленных деталях характера детей Марии вызывают у Развалиных неприятие и язвительную насмешку над людьми, не приспособленными к условиям блокадного быта.

Жизненные интенции главных героев пьесы выражены в молитвах, раскрывающих разность их ценностных приоритетов. Оба мучительно ждут конца ежедневных нечеловеческих испытаний, с отчаянием взывая к Богу. Однако Мария молится о физическом выживании своей семьи («Господи, помоги дожить до когда оно кончится!») [Клавдиев, 2010, с. 29]), а Иракий Ниверин фокусируется на выживании духовном, ради которого он готов расстаться с жизнью («пусть и помрём, да помрём людьми» [Клавдиев, 2010, с. 38]). Сакрально-символическое значение для профессора приобретает практикуемая им мантра «Аум», выражающая в индуистской и буддийской традиции идею вечности и первооснову всего сущего. Выход на другой уровень восприятия действительности помогает Ниверину преодолеть страх смерти, осознать ее как таинство преображения и обретения новой жизни: «... и если всем нам умереть — то мы умрём со звуком «АУМ» на устах, а не чавкая чем попало...» [Клавдиев, 2010, с. 38].

На уровне подтекста прочитывается идея о деструктивности системы, лишавшей человека привычных моральных ориентиров, обесценивающей и травмирующей личность. Эпиграф к пьесе, взятый из песни Егора Летова «Кто сильнее, тот и прав», расширяет временные рамки осмысления этой проблематики. По словам М. И. Сизовой, Клавдиев стремится «развернуть дискуссию о современной ему эпохе, где сила и способность выживать в любой ситуации становится нравственной доминантой, а человеческие ценности нивелируются до нуля» [Сизова, 2015, с. 74].

Семантика деструктивности педалируется заглавием пьесы «Развалины», смысловая структура которого совмещает различные значения существительного *развалина* в функции как имени собственного, так и нарицательного. *Развалины* в пьесе — это, как отмечалось выше, говорящая фамилия главной героини и ее детей. Данный антропоним может подвергаться апеллятивизации и обозначать категорию людей, научившихся выживать в экстремальных условиях, но при этом многого лишенных (поэтому они *развалины*). В узуальном употреблении за нарицательным существительным *развалина* закрепился ряд семем: «1. *Обычно мн.* Остат-

ки разрушившейся или разрушенной постройки, группы построек. <...>. 2. *Перен. Разг.* О ветхом или поврежденном предмете. <...>. 3. *Перен. Разг.* О дряхлом, слабом или разбитом болезнью человеке» [БАС, т. 22, с. 188—189]. В смысловом пространстве пьесы это слово выступает как характеристизатор: в первом значении — места действия (руинированного города), во втором и третьем значениях — всех персонажей, в том числе профессора Ниверина и бытового уклада его жизни. Это своего рода линия соприкосновения героев-антагонистов. Таким образом, в *Развалиных* и *развалинах* концентрируется ключевой смысл, концептуально значимый для всей пьесы, — разрушено (*развалено*) почти всё: деревни, города, судьбы людей; под угрозой тотального разрушения — духовные ценности.

Средоточием и воплощением разрушительной силы становится ГОЛОД — концептуальная доминанта пьесы, организующая ее сюжет и содержательную структуру. Голод, с одной стороны, сближает, с другой — разобщает людей, толкает на трупоедство тех, кто лишен права на нормальную жизнь. Он же, воспринимаемый в контексте историко-художественных параллелей, порождает вопрос: кто настоящий людоед — Развалины или те, кто способствует физическому и духовному уничтожению людей? Всё это так или иначе является страшным и необратимым следствием духовного голода, внутренней пустоты.

Прорисовывая разные грани конфликта, автор пьесы не отдает предпочтения кому-то из своих героев и не подталкивает к этому читателя. Эмпатия к поступкам персонажей или ее отсутствие не диктуется текстом, что позволяет каждому соотнести собственные чувства и взгляды с моделируемыми ситуациями. Это создает пространство для глубокой личной рефлексии и ретроспективно-перспективного диалога настоящего с прошлым и будущим.

4. Заключение = Conclusions

Результаты анализа пьес современных драматургов подтверждают их дискурсивно-тематическую общность, включенность в смысловое пространство блокадного текста и участие в формировании его интерпретационной составляющей.

Реактуализация блокадной темы в произведениях Е. Греминой и Ю. Клавдиева осуществляется разными способами, и прежде всего — за счет их жанровых форм. Документальная пьеса «67/871» структурируется из аутентичных текстов-первоисточников, которые волею автора образуют вербально-содержательный континуум в эстетической системе одного произведения. Пьеса Клавдиева построена как литературно-драматургическое произведение со специфическим (номерным) делением на действия и

акты, авторскими ремарками, обменом репликами персонажей. Культурно-аксиологический конфликт, обнажаемый автором, придает драме дискуссионный характер.

Кроме того, драматурги придерживаются разных стратегий в создании образов блокадников. Если Клавдиев представляет своих персонажей в афише, дает им неслучайные имена, наделяет яркой речевой и психологической характеристикой, то Гремина намеренно оставляет действующих лиц безымянными. Возраст, пол, внешность, социальный статус воспринимаются как малозначимые в описываемой ситуации характеристики. Зная точное количество эпизодов (67), читатель, тем не менее, не может определить точное количество действующих лиц, так как одно интервью иногда разбивается на несколько фрагментов. Это служит созданию собирательного образа жителя блокадного города — носителя своей личной и вместе с тем общей для всех травмы, запечатлевшейся в коллективной памяти народа.

Оба автора используют универсальный художественный прием контраста. В пьесе Греминой отчетливо прослеживается противопоставление своего (нашего) и чужого (вражеского), которое перерастает в оппозицию естественного и противоестественного в восприятии одного и того же трагического события противоборствующими сторонами. В пьесе Клавдиева в лице Марии Развалиной и Ираклия Ниверина контрастируют разные характеры, типы культуры и в целом две непохожие друг на друга России. У каждой из сторон здесь особое понимание своего и чужого (чуждого).

Общей для рассматриваемых пьес, встраивающей их в блокадный дискурс наряду с другими произведениями, является концептуальная оппозиция вочеловечивания vs. расчеловечивания в условиях обретения травматического опыта. Она задает дискуссионный характер интерпретации данных произведений. Пусть и разными способами, но оба автора усложняют хронологическую организацию текста, расширяя пространственно-временные границы осмысляемого мира и выходя на диалог с современностью. И в том и в другом случае невольно возникающий вопрос «Почему это стало возможным?» остается без прямого ответа. Но выстроенные авторами художественные параллели побуждают к глубоким размышлениям о природе человека, источниках его внутренней силы и способности противостоять губительным идеям.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. БАС — *Большой академический словарь русского языка* / РАН, Институт лингвистических исследований ; ред. Л. И. Балахонова. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004. — Т. 1. — 661 с. — ISBN 5-02-033660-2.
2. *Гремина Е. А.* Пьесы и тексты : в 2 т. / Е. А. Гремина, М. Ю. Угаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — Т. 1. — 704 с. — ISBN 978-5-4448-0987.
3. *Клавдиев Ю.* Развалины. Пьеса [Электронный ресурс] / Ю. Клавдиев. — 2010. — Режим доступа : [ugiy-klavdiev-razvaliny.doc](#) (дата обращения 04.11.2025).
4. Мф. — *От Матфея* Святое Благовествование // Святое Евангелие. — Москва : Сибирская Благовонница, 2018. — С. 3—113. — ISBN 978-5-00127-21-8.
5. *Шаламов В. Т.* Сочинения: в 2 т. / В. Т. Шаламов. — Москва : АСТ : АСТ, 2010. — Т. 1. — 701 с.
6. *Шекспир У.* Полное собрание сочинений : в 8 т. / У. Шекспир : под ред. А. Смирнова, А. Аникста. — Москва : Искусство, 1960. — Т. 6. — 687 с.

Литература

1. *Адельгейм И. Е.* Они, мы, я... Реконструкция семейной идентичности и процесс нравственной самоидентификации в текстах Моники Шнайдерман и Елены Чижовой / И. Е. Адельгейм // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. — 2021. — № 1. — С. 54—88. — DOI: 10.31168/2618-8554.2021.04.
2. *Вислова А. В.* Русский театр на сломе эпох. Рубеж XX—XXI веков / А. В. Вислова. — Москва : Университетская книга, 2009. — 272 с. — ISBN 978-5-98699-050-7.
3. *Дмитриев В. К.* Блокада Ленинграда. Размышления о подвиге и трагедии / В. К. Дмитриев. — Москва : Руда, 2020. — 231 с. — ISBN 978-5-6041907-5-3.
4. *Ефремов В. А.* Вербализация телесности в блокадных текстах / В. А. Ефремов, Н. А. Попович // Нефилология. — 2023. — № 9 (1). — С. 31—42. — DOI: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-31-42>.
5. *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский ; сост. Р. А. Киреева, А. А. Зимин. — Москва : Наука, 1983. — 416 с.
6. *Левицкий В. Г.* Спектакль о блокаде «67/871» по пьесе Е. Греминой на сцене Театра Поколений: опыт художественного осмысления документального материала / В. Г. Левицкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствозведение. — 2019. — Т. 9. — № 3. — С. 495—511. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.304>.
7. *Леонтьев Д. А.* Философия жизни М. Мамардашвили и ее значение для психологов / Д. А. Леонтьев // Культурно-историческая психология. — 2011. — № 1. — С. 2—12.
8. *Липовецкий М. Н.* Перформансы насилия : литературные и театральные эксперименты «Новой драмы» / М. Н. Липовецкий, Б. Боймерс. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 371 с. — ISBN 978-5-86793-943-4.
9. *Липовецкий М. Н.* Театр времен Греминой и Угарова / М. Н. Липовецкий // Гремина Е. А. Пьесы и тексты : в 2 т. — Москва ; Новое литературное обозрение, 2019. — Т. 1. — С. 5—26. — ISBN 978-5-4448-0987.
10. *Мещанский А. Ю.* Великая Отечественная война в современном драматургическом дискурсе / А. Ю. Мещанский, Л. А. Савелова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 284—300. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300.
11. *Михайлова Т. В.* На грани жизни и смерти: контроль и ритуальность в пограничных ситуациях (на примере мемуарного текста «Записки блокадного человека»

Л. Я. Гинзбург) / Т. В. Михайлова // Сибирский филологический форум. — 2019. — № 4 (8). — С. 44—56. — DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-8-4-28>.

12. *Мотейунайте И. В.* Постсвидетельский дискурс о войне: «Живые картины» Полины Барсковой / И. В. Мотейунайте // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2020. — № 6. — С. 9—20.

13. *Павловская А. Ю.* «Малый радиус» блокады Ленинграда: множественные локальности и гетеротопия памяти в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина / А. Ю. Павловская // Новое прошлое. — 2023. — № 2. — С. 202—212. — DOI: [10.18522/2500-3224-2023-2-202-212](https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-2-202-212).

14. *Пазио-Влазловска Д.* Концепт дом в дневниках блокадного Ленинграда (на материале записей Ольги Берггольц) / Д. Пазио-Влазловска // Славянский мир в третьем тысячелетии. — 2015. — № 10. — С. 224—233.

15. *Паперно И. А.* «Осада человека»: Записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма / И. А. Паперно. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — 224 с. — ISBN 978-5-4448-1994-4.

16. *Прозорова Н. А.* Женские образы и визуализация травмы в блокадном тексте Ольги Берггольц / Н. А. Прозорова // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 4. — С. 110—123.

17. *Прозорова Н. А.* Книга стихов О. Ф. Берггольц «Узел» как художественное целое: поэтика заглавия, композиция, метасюжет / Н. А. Прозорова // Проблемы исторической поэтики. — 2024. — № 4. — С. 273—294. — DOI: [10.15393/j9.art.2024.14343](https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14343).

18. *Пянкевич В. Л.* Люди жили слухами: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда / В. Л. Пянкевич. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. — 480 с. — ISBN 978-5-93615-129-3.

19. *Руднев П. А.* Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950—2010-е / П. А. Руднев. — Москва: Новое литературное обозрение, 2018. — 496 с. — ISBN 978-5-4448-0768-2.

20. *Сизова М. И.* От хоррора к драме-дискуссии: жанровые искания в пьесе «Развалины» Ю. Клавдиева и одноименных постановках Д. Егорова и К. Вытоптова / М. И. Сизова // Новейшая драма рубежа XX—XXI веков: проблема жанра: сборник научных статей. — Самара: Самарский государственный университет, 2015. — С. 72—79. — ISBN 978-5-86465-666-2.

21. *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: в 3 книгах / Г. Л. Соболев. — Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013—2017. — Книга 1. — 694 с. — ISBN 978-5-288-05497-6.

22. *Франкл В.* Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере / В. Франкл; пер. С нем. — 9-е изд. — Москва: Альпина нонфикшн, 2023. — 239 с. — ISBN 978-5-91671-838-6.

23. *Яров С. В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. — Москва: Молодая гвардия, 2018. — 313 с. — ISBN 978-5-235-04101-1.

24. *Яров С. В.* Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде 1941—1942 гг. / С. В. Яров. — Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 590 с. — ISBN 978-5-94380-307-9.

*Статья поступила в редакцию 04.12.2025,
одобрена после рецензирования 10.04.2026,
подготовлена к публикации 07.05.2026.*

Material resources

- BAS — Balakhonov, L. I. (ed.). (2004). *A large academic dictionary of the Russian language, 1*. Moscow; Saint Petersburg: Nauka. 661 p. ISBN 5-02-033660-2. (In Russ.).
- Gremina, E. A., Ugarov, Yu. (2019). *Plays and texts: in 2 volumes, 1*. Moscow: New Literary Review. 704 p. ISBN 978-5-4448-0987. (In Russ.).
- Klavdiev, Yu. (2010). *The ruins. The play*. Available at: yriy-klavdiev-razvaliny.doc (accessed 04.11.2025). (In Russ.).
- Mt. — From Matthew the Holy Gospel. (2018). In: *The Holy Gospel, 3*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa. 3—113. ISBN 978-5-00127-21-8. (In Russ.).
- Shakespeare, U. (1960). *Complete works: in 8 volumes, 6*. Moscow: Iskusstvo Publ. 687 p. (In Russ.).
- Shalamov, V. T. (2010). *Essays: in 2 volumes, 1*. Moscow: AST: AST. 701 p. (In Russ.).

References

- Adelheim, I. E. (2021). They, we, I ... The reconstruction of family identity and the process of moral self-identification in the texts of Monica Schneiderman and Elena Chizhova. *Literature in the socio-cultural space of modern Central and Southeastern Europe: axiological discourse, 1*: 54—88. DOI: 10.31168/2618-8554.2021.04. (In Russ.).
- Dmitriev, V. K. (2020). *The Siege of Leningrad. Reflections on heroism and tragedy*. Moscow: RuDa. 231 p. ISBN 978-5-6041907-5-3.
- Efremov, V. A., Popovich, N. A. (2023). Verbalization of physicality in blockade texts. *Neophilology, 9 (1)*: 31—42. DOI: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-31-42>. (In Russ.).
- Frankl, V. (2023). *To say “Yes to life!”: A psychologist in a concentration camp*. Moscow: Alpina Nonfiction. 239 p. ISBN 978-5-91671-838-6. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (1983). *Unpublished works*. Moscow: Nauka Publ. 416 p. (In Russ.).
- Leontiev, D. A. (2011). Philosophy of life by M. Mamardashvili and its significance for psychologists. *Cultural and historical psychology, 1*: 2—12. (In Russ.).
- Levitsky, V. G. (2019). The play about the blockade “67/871” based on the play by E. Gremina on the stage of the Generational Theater: the experience of artistic understanding of documentary material. *Bulletin of St. Petersburg University. Art history, 9 (3)*: 495—511. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.304>. (In Russ.).
- Lipovetsky, M. N. (2019). Theater of the times of Gremina and Ugarov. In: *Gremina E. A. Plays and texts: in 2 volumes, 1*. Moscow; New Literary Review. 5—26. ISBN 978-5-4448-0987. (In Russ.).
- Lipovetsky, M. N., Boymers, B. (2012). *Performances of violence: literary and theatrical experiments of the “New Drama”*. Moscow: New Literary Review. 371 p. ISBN 978-5-86793-943-4. (In Russ.).
- Meshchansky, A. Yu., Savelova, L. A. (2022). Great Patriotic War in Modern Dramatic Discourse. *Nauchnyi dialog, 11 (3)*: 284—300. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300>. (In Russ.).
- Mikhailova, T. V. (2019). On the verge of life and death: control and ritualism in border situations (on the example of the memoir text “Notes of a Besieged Man” by L. Ya. Ginzburg). *Siberian Philological Forum, 4 (8)*: 44—56. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-8-4-28>. (In Russ.).
- Moteyunaite, I. V. (2020). Post-witness discourse on the war: “Living paintings” by Polina Barskova. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 6*: 9—20. (In Russ.).

- Paperno, I. A. (2023). *“The Siege of Man”*: *The Notes of Olga Freudenberg as a mythological theory of Stalinism*. Moscow: New Literary Review. 224 p. ISBN 978-5-4448-1994-4. (In Russ.).
- Pavlovskaya, A. Y. (2023). The “Small radius” of the siege of Leningrad: multiple localities and the heterotopy of memory in the “Book of the Blockade” by A. Adamovich and D. Granin. *A new past*, 2: 202—212. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-202-212. (In Russ.).
- Pazio-Vlazlovska, D. (2015). The concept of a house in the diaries of besieged Leningrad (based on Olga Bergholt’s notes). *The Slavic world in the third Millennium*, 10: 224—233. (In Russ.).
- Prozorova, N. A. (2021). Female images and visualization of trauma in the blockade text by Olga Bergholts. *Siberian Philological Journal*, 4: 110—123. (In Russ.).
- Prozorova, N. A. (2024). The book of poems by O. F. Bergholts “The Knot” as an artistic whole: poetics of the title, composition, meta-plot. *Problems of historical poetics*, 4: 273—294. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14343. (In Russ.).
- Pyankevich, V. L. (2014). *People lived by rumors: the informal communicative space of besieged Leningrad*. St. Petersburg: Vladimir Dahl. 480 p. ISBN 978-5-93615-129-3. (In Russ.).
- Rudnev, P. A. (2018). *Drama of memory: Essays on the history of Russian drama. 1950—2010*. Moscow: New Literary Review. 496 p. ISBN 978-5-4448-0768-2. (In Russ.).
- Sizova, M. I. (2015). From horror to drama—discussions: genre searches in the play “Ruins” by Yu. Klavdiev and the eponymous productions by D. Egorov and K. Vytoptova. In: *The latest drama of the turn of the XX—XXI centuries: the problem of genre: a collection of scientific articles*. Samara: Samara State University. 72—79. ISBN 978-5-86465-666-2. (In Russ.).
- Sobolev, G. L. (2013—2017). *Leningrad in the struggle for survival in the blockade: in 3 books, 1*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 694 p. ISBN 978-5-288-05497-6. (In Russ.).
- Vislova, A. V. (2009). *The Russian theater at the turn of the epochs. The turn of the XX—XXI centuries*. Moscow: University Book. 272 p. ISBN 978-5-98699-050-7. (In Russ.).
- Yarov, S. V. (2018). *Daily life of besieged Leningrad*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 313 p. ISBN 978-5-235-04101-1. (In Russ.).
- Yarov, S. V. (2021). *Blockade ethics: ideas about morality in Leningrad 1941—1942*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 590 p. ISBN 978-5-94380-307-9. (In Russ.).

*The article was submitted 04.12.2025;
approved after reviewing 10.04.2026;
accepted for publication 07.05.2026.*